

С. Арешян

Царская цензура и армянская печать в годы первой русской революции

Революционные события, охватившие в начале века страну, нашли в прессе свое особое яркое выражение. В печати, находившейся под фе-фулой цензуры, не было возможности пропагандировать революционные идеи или обсуждать животрепещущие вопросы общественного развития. В. И. Ленин, говоря об эпохе цензурного гнета, писал: «Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества!»¹.

В равелинах цензурных комитетов заточались или уничтожались лучшие создания творческого гения, идейные устремления современников, пламенные слова великой правды.

История царской цензуры это — мартиролог не только передовой рус-ской литературы, но и литературы братских народов, литературы много-язычной и многонациональной.

Цензура, существовавшая, как известно, еще со времен Рима, была неотъемлемым атрибутом феодальной формации. С ликвидацией фео-дальных отношений в ряде стран была ликвидирована и цензура как го-сударственное установление. Во Франции, например, она была отменена во время Великой Французской революции. В России ослабление цензур-ного режима имело место в эпоху революционной ситуации шестидеся-тых годов. Этот режим был значительно нарушен в 1905 году. «Свобода печати и совести»² — являлись требованием, поддержанным самыми широ-кими массами.

Первая народная революция в России вырвала печать из плена кре-постной цензуры. Ошибаются исследователи, которые не видят или не хо-тят видеть, что в эпоху революции 1905—1907 годов цензурные комите-ты вместе со всем многочисленным штатом цензоров вынуждены были отступить перед революционным народом³.

На самом деле царское правительство не только не было в состоянии вести в 1905 году «беспощадной борьбы с революционной печатью», но и, как указывает В. И. Ленин, в этот период стирается грань между легаль-ной и нелегальной печатью. Под натиском революционных событий цен-зура оказалась изолированной; ослабление полицейского режима привело

¹ В. И. Ленин, Партийная организация и партийная литература, Сочинения, т. 10, стр. 26.

² В. И. Ленин, Петербургская стачка, Сочинения, т. 8, стр. 71—74.

³ См. Ковалев, Царизм в борьбе с революционной печатью в 1905 году, «Крас-ный архив», 1941, № 2 (105), стр. 140.

к тому, что волна революционной печати пошла, помимо цензурных комитетов, которые оказались бессильными ей противостоять. Это положение очень волновало некоторых политических деятелей типа Булыгина, который со страхом смотрел на могучий поток революционной литературы и пытался убедить Николая II в необходимости пресечь этот поток и противопоставить ему правительственную печать. Булыгин писал в своей докладной: «Давно создано, что печать есть великая сила, которою пользуются обыкновенно правительства, а в государствах, имеющих развитую и окрепшую политическую жизнь, и отдельные политические партии для проведения в общество и жизнь своих общих и партийных взглядов и стремлений. В России, благодаря существующим в действующих постановлениях о печати стеснениям и исторически сложившимся причинам, печать заняла иное положение, но и здесь она всегда имела более или менее важное влияние на общественное мнение по тем вопросам, которые подвергались ее обсуждению. Такую силу печати прекрасно поняли развившиеся в последнее время в России революционные группы, которые образовали здесь разного наименования революционные сообщества (социал-революционеров, социал-демократов, коллективистов и проч.), и которые стали забрасывать районы своей деятельности особыми революционными листками-прокламациями, отпечатанными иногда в значительном числе экземпляров»¹.

Общую судьбу с русской передовой и революционной печатью разделила и армянская печать. Начало XX века было ознаменовано значительным усилением и активизацией армянской печати, не только в России, но и за рубежом. Активизировалась печать различных политических партий и различных политических направлений. Вместе с тем, благодаря развитию революционных событий, резко ослабевает цензурный режим и в отношении армянской печати, издававшейся как в России, так и ввозившейся из-за рубежа.

В эпоху 1905—1907 годов революционный народ повел на цензуру наступление в следующих областях политической жизни: во-первых, в публикации революционно-демократического наследия, издание которого началось еще накануне революции, во-вторых, в печатании газет, число и значение которых особенно возросло в революционные дни, в-третьих, в широком распространении массово-политической брошюры, и, наконец, в увеличении количества литературы, поступающей из-за рубежа.

Канун 1905 года и 1905 год явились эпохой, когда часть узников цензурного комитета была выпущена на волю. В 1905—1906 годах вышло впервые в России собрание сочинений Чернышевского. Роман «Что делать» был выпущен тиражом в 10 000 экземпляров и в первый раз открыто выставлен в витринах книжных магазинов. Увидели свет произведения Шевченко, запрещенные до того страницы Пушкина.

Из сочинений армянских революционеров-демократов были напечатаны два тома произведений Налбандяна. Первый том увидел свет в

¹ «Красный архив», 1941, 2 (105), стр. 145.

1903 году в Ростове-на-Дону, второй том вышел там же в 1906 году. Во втором томе было напечатано впервые в России в сокращенном виде «Земледелие, как верный путь».

Однако это положение с публикацией революционного наследия сохранялось недолго. После разгрома первой русской революции цензура рука об руку с полицией начала жестоко свирепствовать. Ранее разрешенные или же вышедшие без цензурных разрешений издания конфисковались, уничтожались, литературные костры запылали во дворах полицейских участков. Против издателей и редакторов стали возбуждаться судебные преследования. Наступающая реакция пыталась вновь заковать страну в кандалы идейного крепостничества.

Настойчивым преследованиям подверглись опубликованные в 1905—1907 годах произведения революционных демократов. В апреле 1912 года министерство внутренних дел возбудило вопрос о втором томе собрания сочинений М. Налбандяна. Два момента особенно беспокоили министерство: во-первых, то, что «в этом томе, в числе других статей помещена статья Налбандяна «О земледелии», напечатанная в свое время в Лондоне и строго запрещенная в России, вследствие революционного ее характера...»¹, и, во-вторых, было ли дано разрешение на публикацию тома.

Запросами в главное управление по делам печати и СПб цензурный комитет² было установлено, что цензурное разрешение было выдано 6 ноября 1903 года рассматривающим издания на армянском языке Драгомирецким³. Неудовлетворившись наличием цензурного разрешения, главное управление по делам печати направило том к цензору Чарыхову для нового рассмотрения. Цензор Чарыхов, одна из наиболее реакционных и одиозных фигур цензурного комитета, приложил все свои усилия для того, чтобы придать делу разгромный характер и с этой целью представил уничтожающий отзыв, в котором особенно резко отозвался о «Земледелии...». Тем самым пятидесятилетие со дня издания этого произведения Налбандяна было ознаменовано избиением и растерзанием этого труда палачами цензурного департамента.

В своей докладной Чарыхов особенно подробно останавливается на следующих положениях Налбандяна: вопросе о собственности на землю, о формах государственного управления, колониальной политике ряда стран и, в частности, Англии, национальном вопросе. В заключение цензор не только пытался анализировать «Земледелие...» и дать ему политическую оценку, но и стремился установить идейные корни, традиции, связывающие Налбандяна с революционными учениями и деятелями. Чарыхов писал: «Ввиду крайних взглядов, высказываемых автором в вопросах: о собственности, землевладении и политики, и вообще социалистического направления, статьи Налбандяна о «Земледелии», местами доходящего до революционности, я полагал бы возбудить судебное следствие против виновных в напечатании этого сборника по 1 и 2 пунктам 129 ст. Угол.

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 17, д. 656, 1912 г., л. 1 и об.

² См. там же, л. 1 и 2.

³ См. там же, л. 4.

улож., настоящий труд изъять из обращения, вместе с тем, если Главное управление найдет возможным, пересмотреть оба тома произведений названного писателя, арестованного в 60-х годах прошлого века за принадлежность к декабристам и нахождение в переписке с Герценом и Бакуниным»¹. Так началось судебное преследование второго тома сочинений Налбандяна, продолжавшееся свыше полугода. Аналогичным преследованиям подверглись и произведения революционных демократов других национальностей. В эти же годы были уничтожены произведения Шевченко, также ранее дозволенные цензурой.

Репрессиям подверглись не только сочинения революционных демократов шестидесятых годов, но и посвященные им критические работы. Так, в эпоху цензурного террора, наступившего после революционных событий 1905—1907 годов, подверглись преследованию книга Т. Авдалбекяна «Микаел Налбандян» и брошюра А-до «Интересная страница из жизни Микаела Налбандянца и письма Бакунина к нему».

Книга Авдалбекяна была конфискована в 1913 году в эчмиадзинской типографии и за исключением нескольких глав уничтожена. Тифлисский комитет по делам печати в своей докладной прокурору тифлисской судебной палаты дал следующее заключение по поводу книги: «Таким образом, под видом анализа сочинения М. Налбандяна «Земледелие как правильный путь», автор брошюры «Микаэль Налбандян» проводит совершенно недопустимую с точки зрения существующего государственно-правового порядка теорию уничтожения права частной земельной собственности и социализации земли, с призывом изменения существующего социального строя»².

Если цензура оказалась столь беспощадной к предшественникам, можно себе представить, как в эпоху реакции она отнеслась к современникам и участникам революционных событий. В ушах звучали ленские выстрелы, трупы качались на виселицах, люди заживо были похоронены в тюрьмах. В это время пышным цветом расцвела цензура, с утра до вечера скрипели перья цензоров, последовательно уничтожая революционную мысль. Преследования и аресты обрушились прежде всего на газеты и массово-политические брошюры. В первую очередь подверглась преследованиям большевистская печать. Накануне и в годы революционного подъема такие газеты, как «Пролетариати крив», «Банвори дзайн», «Кайц», «Нор хоск», «Орер», имели решающее значение в формировании революционного сознания армянских трудящихся³. Естественно, что эти газеты раньше других подверглись репрессиям. Поучительна в этом отношении цензурная история газеты «Кайц». Эта газета сыграла исключительную роль в большевистской печати Закавказья. Она явилась первой трибуной армянской большевистской мысли, первым органом, на страницах которого такие деятели, как Шаумян и Спандарян, получили возмож-

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 17, д. 656, 1912 г., лл. 7—10 и об.

² Там же, оп. 21, д. 90, лл. 2—3.

³ См. Х. Барсегян, «Большевистская армянская периодическая печать в период русской революции 1905—1907 гг.», газ. «Коммунист», 25 июня 1955 г.

ность легально пропагандировать марксизм-ленинизм. Очень скоро вокруг газеты образовался крепкий редакционный актив. Среди активистов были Мелик Меликян, Акоп Акоюн, М. Миракян, А. Каринян и другие. В первом номере выступил с программной статьей «Наш орган» Степан Шаумян, наметивший основные задачи газеты.

Уже характер газеты predetermined те цензурные преследования, которым она подвергалась. Разрешение на ее издание было выдано Арамансу Ерзинкянцу в декабре 1905 года¹. Первый номер вышел в Тифлисе в апреле 1906 года. Не прошло и месяца, как в том же апреле Ерзинкянц был привлечен к уголовной ответственности за напечатание в 8 номере статьи по поводу открытия государственной думы. О дальнейшем сообщалось следующее: «Затем за статью «Роспуск Государственной думы» в № 37 от 13 июня 1906 года... возбуждено второе преследование Ерзинкянца по п. 2 ст. 120 уг. ул. (отношение комитета от 18 июня 1906 года за № 1248 на имя прокурора палаты). Отношением палаты от 31 июня 1906 года издание газеты «Кайц», ввиду крайне дерзостного порицания верховной власти империи, допущенного в статье «Роспуск Государственной думы», приостановлено и с подсудимого Ерзинкянца потребован залог в сумме одной тысячи рублей. Тифлисская полиция, которой 9 августа за № 1452 это постановление палаты было препровождено для объявления Ерзинкянцу 27 сентября за № 2292, сообщила, что последний в Тифлисе не разыскан, о чем комитет сообщил Прокурору палаты. Дальнейшие сведения в комитете не имеются»². Подобные примеры расправы с большевистской печатью можно было бы значительно умножить.

Народная революция, всколыхнувшая широчайшие массы трудящихся, явилась одновременно и творцом народной литературы — массово-политической брошюры. Впервые в России массово-политическая брошюра получает широкое распространение, печатаясь с разрешения и без разрешения цензурных комитетов. Издатели брошюр в годы революционного подъема либо вовсе не печатали цензурного грифа, либо писали: «Настоящая брошюра цензуре не подвергалась». Впервые в истории армянской печати получает широкое распространение массово-политическая книжка, рассчитанная на самые широкие круги читателей. Без цензурного разрешения печатается на армянском языке «Коммунистический манифест», печатаются произведения Ленина, Сталина, Шаумяна, Спандаряна, организуя волю и мысль армянского народа.

Закономерно также, что в годы реакции цензура пытается взять реванш в первую очередь путем беспощадного уничтожения массово-политической брошюры. За годы 1907—1912 сохранилось большое количество цензурных дел, направленных против авторов и издателей массово-политической книги³.

¹ См. ЦГА Грузинской ССР, ф. 114, д. 222, лл. 1—2.

² ЦГА Грузинской ССР, ф. 112, д. 222, лл. 5—8.

³ См. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 31, д. 239, л. 2, оп. 17, д. 120, л. 1, оп. 17, д. 103, л. 3, оп. 21, д. 186, л. 1 и др.

В годы революционного подъема в армянской литературе происходят процессы, очень ярко отражающие борьбу народных масс за свое освобождение. Продолжает развиваться критический реализм, зачинателями которого были революционные демократы шестидесятых годов. Творчество Туманяна, Ширванзаде, Папазяна, Арпиаряна и др. обогащается новой тематикой, в которой нарастающее рабочее движение предстает в сочетании с национально-освободительными задачами. Писатели-реалисты с огромной силой отражают страдания народных масс, передают ощущение, захватившее самые широкие слои населения, столь талантливо воплощенные Горьким в словах: «Буря, скоро грянет буря»... Однако эти писатели были ограничены и не могли дать достаточно правильной и полноценной характеристики революционной действительности, хотя, подобно Толстому, и они в своих произведениях отразили существенные стороны первой русской революции. То же относится и к поэтической школе, представленной такими блестящими именами, как Аветик Исаакян, И. Иоаннисиан и др.

Наряду с развитием критического реализма в армянской литературе этого времени зарождается социалистический реализм. Пламенные строки Акопа Акопяна, Шушаник Кургинян, Арази и др. запыхали вместе с красными знаменами, призывая к борьбе и беззаветной верности великому делу освобождения трудящихся. Цензура была особенно беспощадна именно к этой молодой литературе, качественно новой по сравнению со всем тем, что было создано в течение столетий армянским народом. Поэтому в эпоху реакции особенно жестоко преследуются произведения Акопяна и Курпинян. Этот процесс особенно отчетливо можно проследить на цензурной истории сборника «Лира Армении». В этом сборнике были представлены стихотворения различных армянских поэтов, в том числе и произведения Патканяна и Раффи. Однако внимание цензора особенно привлекли стихотворения Шушаник Кургинян; министерство внутренних дел возбудило вопрос о привлечении к ответу издателя сборника именно за публикацию этих стихотворений. Тифлисский комитет по делам печати писал в главное управление по делам печати: «Тифлисский Комитет представляет при этом в Главное Управление копию отношения г. прокурору Тифлисской Судебной Палаты от 17 сего ноября за № 2655, об уничтожении в сборнике «Лира Армении» двух стихотворений под заглавиями «Песнь рабочего» и «Идите туда» и о привлечении издателя этой брошюры Хачатура Маркосяна к уголовной ответственности»¹. В этом документе очень ярко проявился «дифференцированный» подход цензуры к армянской литературе.

Изучая вопросы цензурирования армянской печати в эпоху первой русской революции, необходимо обратить особое внимание на цензуру иностранных изданий, поступавших из-за рубежа. Армянская печать этого периода была представлена в очень многих странах мира. Картина ее распространения отражает деятельность политических партий, преобла-

¹ ЦГИАЛ, ф. 176, оп. 21, д. 192, 1912 г., л. 4.

давших в том или ином местожительстве армян. Во многих странах эта печать носила демократический, прогрессивный характер. Поэтому цензоры, просматривавшие литературу, проходившую через таможи, были особенно осторожны и запрещали не только отдельные номера газет и журналов, но и отдельные произведения, даже авторов XIX века. Сошлемся на заключение одесского цензора, запретившего сборник «Нор кнар гайкакан», изданный в 1897 году. В этом сборнике были напечатаны произведения Абовяна, Гамар-Катипа, Шах-Азиза и др. В своем заключении цензор писал: «Ввиду вредного направления большинства входящих в этот сборник песен пропуск его к обращению вообще в публике я считаю невозможным»¹.

Борьба самодержавия с передовой, прогрессивной русской культурой и литературой нашла свое отражение и в вопросах перевода этой литературы на другие языки. «Политики» из главного управления по делам печати больше всего опасались распространения среди других национальностей революционных идей русского народа. Поэтому они упорно преследовали переводы русской литературы на другие языки, в том числе и на такие языки, как, например, украинский или армянский. Так был запрещен перевод драмы А. Писемского «Горькая судьбина» на украинский язык, причем главное управление по делам печати предупреждало СПб цензурный комитет, что «независимо от безусловного запрещения переводов с русского на малорусский язык, ...с особою строгостью и вниманием рассматривать все оригинальные малорусские произведения...»².

То же самое имело место и в отношении переводов русской литературы на армянский язык. Были запрещены переводы произведений Степняка-Кравчинского, Успенского, Л. Толстого и др. Цензор одесского комитета Г. Хорасанджянц запретил сборник: «Армянкам», в котором было напечатано стихотворение в прозе Тургенева «Порог»³. Но особенно сильно боролся цензурный комитет с распространением переводов произведений Горького. Так, еще в 1903 году был запрещен перевод на армянский язык «Песни о соколе»⁴. В делах цензурного комитета сохранились материалы запрещения перевода романа «Мать» на армянский язык, очерка «9-е января» и ряда других. Вот заключение цензора Чарыхова о газете «Манзумен эфкиар», в которой печатались произведения Горького: «Манзумен эфкиар» №№ 2245, 2247 (1908 г.) не могут быть допущены к обращению внутри империи, так как в них содержится перевод заграничного издания повести Максима Горького «Товарищи» (из жизни революционера). Поэтому я ходатайствую перед Комитетом о запрещении этих номеров»⁵.

Буржуазно-демократические революции в ряде стран уничтожили цензуру, как официальную часть государственного аппарата. Но вместе

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 9, лл. 83 и 87 об.

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 3 и 4 об.

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 9, лл. 66—67.

См. Г. Ованн, Максим Горький и армянская культура, 1951, стр. 258.

ЦГИАЛ, Рапорты, 1908 г., ф. 779, 309, л. 331.

с тем эти революции повергли печать в плен буржуазно-торгашеских отношений. В России цензура не только не была отменена после революции 1905 года, но, наоборот, резко усилила свой полицейский режим в эпоху наступившей реакции. В. И. Ленин, которого всегда волновали и интересовали вопросы цензуры, не случайно именно в 1905 году поставил вопрос о партийной литературе и свободе печати. Он писал: «Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция вместе с другими государственными установлениями смела и царскую цензуру, уничтожив идейное крепостничество. Революционный пролетариат создал свободную печать впервые в истории человечества, отражающую интересы народных масс. Эта печать ограждена государством от дельцов, проходимцев и карьеристов, она является могущественным оружием в строительстве коммунизма.

¹ В. И. Ленин, Партийная организация и партийная литература, Сочинения, т. 10, стр. 29.